

Утро встретило ощущением бодрости и свежести.

Сюн Цзиньчжоу проснулся от аромата еды и только тогда обнаружил, что человек рядом давно уже встал. Он привёл постель в порядок, надел вторую форму сыщика из сундука и вышел наружу. Перешагнув через щенков, которые, виляя хвостами, сразу подбежали к нему, он остановился у кухонной двери и, прислонившись к косяку, стал смотреть на человека, хлопчущего у очага.

Пухлые паровые булочки рядами лежали на решётке для варки на пару, а длинные палочки аккуратно перекладывали их в чашку, и вскоре та уже была наполнена с горкой.

На столе рядом стояли ещё две чашки доухуа - их только что принёс Сюн Цзиньпин.

Нин Гуйчжу повернулся с чашкой булочек в руках, увидел стоящего в дверях Сюн Цзиньчжоу и с улыбкой поторопил:

— Иди скорее умывайся. Позавтракаем и поедем в уездный город.

— Хорошо.

Только тогда Сюн Цзиньчжоу выпрямился и вошёл внутрь. Но вместо того, чтобы сразу идти умываться, сперва украдкой приблизился к Нин Гуйчжу и быстро чмокнул его в щёку, а уже потом неторопливо направился к деревянному тазу с горячей водой у очага.

Поставив чашку на стол, Нин Гуйчжу машинально коснулся щеки. Почему-то она казалась горячей.

Закончив умываться, Сюн Цзиньчжоу взял чистую повязку и начал возиться со своими волосами. Нин Гуйчжу, заметив это, подошёл и привычным движением поправил ему волосы.

— У тебя волосы и правда хорошие. Может, не собирать их больше в пучок, а просто завязывать?

Сюн Цзиньчжоу раньше всегда укладывал волосы в узел, так что издали не было видно ни единой пряди. Иногда Нин Гуйчжу даже на мгновение начинало казаться, будто у него коротко остриженные волосы.

Сюн Цзиньчжоу замер. Собранные и укрытые тканью волосы меньше пачкались, да и каждый день возиться с ними не приходилось - очень удобно.

Но...

Теперь фулан захотел, чтобы он сменил причёску. Колебания и размышления задержались в голове меньше чем на один вдох.

— Хорошо, — тут же ответил он. — Попробую. Я раньше такого не делал.

— Ничего, я тебе сделаю.

С этими словами Нин Гуйчжу направился в спальню.

— Пока обойдёмся тканевой лентой, а вечером я сделаю тебе нормальную повязку. Или можно ещё шпильку купить? Волосы ей тоже несложно закалывать.

Сюн Цзиньчжоу пошёл следом.

— Лучше ленту. Боюсь, во время драки шпильку сломаю.

Этой штукой, между прочим, неплохо убивать людей. А если сломается, ещё и кожу на голове пробить сможет очень ловко.

— Ладно, — подумав, согласился Нин Гуйчжу.

Из оставшихся после прошлой работы обрезков ткани он выбрал полоску подходящей длины, усадил Сюн Цзиньчжоу на табурет, а сам встал позади и принялся тщательно расчёсывать его длинные волосы пальцами.

Сюн Цзиньчжоу не любил возиться с причёской, но кожа головы у него почти не жирнилась, да и волосы большую часть времени были прикрыты, так что пыль на них почти не оседала. В целом они были чистыми и ничем не пахли.

Нин Гуйчжу осторожно разгладил длинные пряди пальцами и уже хотел собрать их, но вдруг остановился. Он отделил сбоку небольшую прядь волос, начал плести её вплотную к голове в косу-колосок, а дойдя до середины затылка, продолжил уже обычной косой из трёх прядей.

Закончив, Нин Гуйчжу обошёл Сюн Цзиньчжоу и посмотрел на него спереди. Его глаза тут же загорелись. Красиво!

Сюн Цзиньчжоу уже начал было ёрзать на месте, но, увидев выражение лица Нин Гуйчжу, сразу успокоился. Причина была проста - Гуйчжу нравилось.

Волосы с другой стороны Нин Гуйчжу заплёл точно так же. Затем аккуратно собрал оставшиеся волосы, зачесал их наверх и дважды обвил получившийся хвост двумя косичками,

а их кончики завязал и смешал с остальными волосами. Тщательно всё поправив, он вывел концы косичек наверх хвоста и перевязал волосы тканевой лентой.

Сюн Цзиньчжоу поднял руку, потрогал голову и, встав, нарочно приблизился к Нин Гуйчжу. Улыбаясь, он спросил:

— Красиво?

Нин Гуйчжу ответил без малейших колебаний:

— Красиво!

Всё его внимание было приковано к внешности Сюн Цзиньчжоу. В голове крутилась только одна мысль: прежняя причёска совершенно зря скрывала такое лицо. Он совсем не заметил, что Сюн Цзиньчжоу уже вторгся далеко за границы привычного расстояния.

Поэтому, когда его поцеловали, он успел лишь широко распахнуть глаза.

Сюн Цзиньчжоу крепче прижал его к себе, углубляя поцелуй, и, опустив взгляд, встретился глазами с человеком, которого так любил. Скопившаяся за эти два дня тоска в этот миг превратилась в желание, которое никак не хотело отпустить.

Уши Нин Гуйчжу покраснели. Он торопливо оттолкнул Сюн Цзиньчжоу:

— Быстрее, тебе ещё на службу идти.

Договорив, он тут же скрылся за поворотом у двери. Сюн Цзиньчжоу прижал языком щёку изнутри, опустил взгляд на некоторые совершенно не желающие слушаться порывы и молча уселся обратно на табурет.

Мимо пробежал щенок, склонил голову набок:

— Гав?

Сегодня были булочки с дикими овощами. Ошпаренные овощи мелко нарезали, потом слегка обжарили и завернули в тесто - вкус почти не уступал мясным булочкам. Поверх доухуа лежал слой измельчённого мясного соуса, отчего оно тоже получалось особенно вкусным.

Домашних животных Нин Гуйчжу накормил ещё заранее, так что после завтрака они вместе прибрали посуду и кухню. Сюн Цзиньчжоу пошёл за дом за мулом, а Нин Гуйчжу вернулся в спальню за корзинкой с шитьём и заодно отрезал длинную полоску ткани - сегодня во время

уроков он собирался сшить Сюн Цзиньчжоу новую повязку для волос.

Сюн Цзиньчжоу постоял немного рядом с лошадьё и Маньтоу, а когда увидел выходящего Нин Гуйчжу, привычным движением забрал вещи из его рук.□□

Надёжно заперев все двери и окна, они вышли из двора и лишь слегка прикрыли за собой ворота. Оседлав мула и лошадь, оба неторопливо двинулись по дороге вперёд.

Тем временем в переднем доме...

Ван Чуньхуа посмотрела на доверху нагруженную ослиную повозку, сняла корзину с чашками и ложками и сказала Сюн Цзиньпину:

— Теперь, когда Цзиньчжоу дома, тебе не нужно вести мула. Давай будем носить это по очереди, а то ещё загубим осла.

Ослика они одолжили у соседей. Всё-таки людей, которые действительно зарабатывали на перевозках, было немного. Чтобы получить за день сорок-пятьдесят вэней, нужно было удачно застать побольше желающих поехать в уездный город, да ещё и сделать четыре-пять, а то и шесть рейсов. Только тогда выходила такая сумма. В их деревне этим занимался только старик Ли - возраст уже не позволял ему зарабатывать иначе, вот он и колесил целыми днями по окрестным деревням. Остальные же владельцы ослов таким не занимались. В свободное время было разумнее дать животному спокойно отдохнуть и набраться сил перед сельскохозяйственными работами.

Из-за этого хозяева ослов не раз становились объектом пересудов тех, кто видел только заработок старика Ли. Эти люди совсем не задумывались: будь деньги настолько лёгкими, разве они бы спокойно сидели и смотрели, как Ли зарабатывает один?

Сюн Цзиньпин сказал:

— Я сам понесу. Ты управляй повозкой - когда доберёмся до города, тебе ещё работать.

Ван Чуньхуа посмотрела на ослика, на котором уже заметно сказывался возраст, и тихо произнесла:

— Когда владельцы лавок с тофу поймут, что происходит, интересно, начнут ли они тоже продавать доухуа? Если к тому времени у нас всё ещё будут такие продажи, может, потом и мула купим?

Мул всё же был сильнее осла. В их семье всё, что приносила земля, шло в общий бюджет, а заработанное на стороне оставалось отдельной семье. За эти годы у неё с Сюн Цзиньпином понемногу накопилось почти десять лян, а если прибавить деньги, которые выделяли родители,

то на покупку мула вполне хватало.

Пока они разговаривали, как раз подъехали Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу. Увидев коромысло в руках старшего брата, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Брат, вешай всё сюда. Лошадь у нашего господина с войны - силищи у неё хоть отбавляй.

Доспехи весом в десятки, а то и больше сотни цзиней она выдерживала без проблем, так что какие-то десяток с лишним цзиней пустой посуды были для неё сущей мелочью.

Услышав слова Сюн Цзиньчжоу, Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа на мгновение растерялись, а Нин Гуйчжу безмолвно хлопнул его по плечу:

— Ты уже совсем считаешь её своей собственностью?

Но тут же сменил тон:

— Старший брат, отдайте Цзиньчжоу.

Если Сюн Цзиньчжоу мог работать под началом уездного судьи Чэня и не вызывать у него недовольства, значит, он явно умел чувствовать меру. Пока Нин Гуйчжу не видел никаких проблем, вмешиваться в его решения он не собирался.

В итоге обе корзины с чашками и ложками вместе с коромыслом закрепили на спине лошади. Закончив, Сюн Цзиньчжоу повёл лошадь вперёд, а другой рукой держал повод Маньтоу. Неторопливо шагая рядом с ослиной повозкой, он сказал:

— Скоро Гуйчжу уже не придётся каждый день ездить в город. Пока можете пользоваться нашим мулом, а потом купите нового, когда попадётся такой же хороший, как Маньтоу.

Высокий, сильный и послушный - их Маньтоу ничуть не хуже лошади. Супруги подумали и согласились, что в этом есть смысл, но, видя, как Сюн Цзиньчжоу любит мула, не удержались от поддразнивания:

— Говоришь-то как... А вот пока тебя не было дома, Гуйчжу из-за него настрадался.

Сюн Цзиньчжоу замер:

— М-м?

Немного смутившись, Нин Гуйчжу сказал:

— Это я просто не очень умею управлять. Маньтоу вообще очень послушный.

Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь и небрежно пару раз постучал ногами по голове Маньтоу.

— Вот как? Значит, это я забыл заранее его обучить. Потом точно станет ещё послушнее.

Нин Гуйчжу:

— ...У меня ощущение, что ты задумал что-то нехорошее.

С серьёзным видом он добавил:

— Не смей обижать Маньтоу. Он и так очень хороший, просто иногда любит побегать.

Когда он возвращался домой вчера, управляться с ним было уже куда проще.

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся:

— Конечно не буду. Не переживай.

В глазах Нин Гуйчжу Сюн Цзиньчжоу был человеком, которому вполне можно доверять, поэтому, посмотрев на него пару секунд, он просто кивнул.

Супруги на ослиной повозке переглянулись, одновременно вздохнули и покачали головами. Только Гуйчжу и верил в тот образ, который второй брат показывал окружающим.

Вчетвером они добрались до Аньхэ. У городских ворот Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу попрощались со старшим братом и невесткой. По привычке он сперва проводил Нин Гуйчжу до школы, а потом, ведя за собой мула и лошадь, направился к уездной управе.

Лу-чжубу как раз закончил переключку и собирался вернуться к делам, когда увидел, как Сюн Цзиньчжоу неспешно идёт со стороны конюшен.

— Когда это ты вернулся? — удивлённо спросил он.

— Вчера ночью.

— ...Ночью ехал? — Лу-чжубу цокнул языком. — Совсем страха нет? А если бы тебя зверь сожрал?

Первой мыслью Сюн Цзиньчжоу было:

— Только не говорите такого при Гуйчжу.

Лу-чжубу безмолвно закатил глаза. Сюн Цзиньчжоу не обратил на это внимания. Показался Лу-чжубу на глаза, потом прошёлся пару кругов по управе, затем ещё пару - по улице. Заодно заглянул посмотреть, как идут дела у старшего брата и невестки. Увидев, что вокруг полно покупателей и те вполне справляются сами, он не стал лезть под руку.

Когда он наконец нагулялся, как раз настало время прихода уездного судьи Чэня. Старые неразрешённые дела в управе уже почти разобрали, поэтому в спокойные дни уездный судья Чэнь появлялся только утром и после полудня, а всё остальное время проводил в своей усадьбе.

Увидев вошедшего с улицы Сюн Цзиньчжоу, уездный судья, который уже получил новости от Лу-чжубу, не удивился и лишь спросил:

— В этот раз объявление удалось распространить без проблем?

Политика двора распространялась на всех, а среди простого народа всегда находились недовольные. Если попадалась деревня с буйным нравом жителей, то стражникам порой сначала приходилось подраться. Именно потому, что подвиги Сюн Цзиньчжоу говорили сами за себя, уездный судья без опасений отправил его во главе нескольких человек.

— В целом нормально, — ответил Сюн Цзиньчжоу и, по жесту начальника присев, кратко пересказал произошедшее за поездку.

Уездный судья Чэнь, слушая, кивнул:

— Неплохо. Так мы хотя бы ясно показали позицию нашей управы.

Но Сюн Цзиньчжоу пришёл не только доложить о выполнении поручения. Закончив с официальной частью, он тут же нетерпеливо добавил:

— Господин, может, нам стоит найти несколько семей, где такое происходит, и показательно разобраться с ними?□□

Услышав это, уездный глава Чэнь замер с чашкой у губ и с удивлением посмотрел на Сюн Цзиньчжоу:

— Надо же, а ты и до такого додуматься можешь?

Сюн Цзиньчжоу почесал нос:

— Это Гуйчжу сказал, что нужен пример, тогда и людей, которые осмелятся подать жалобу, станет больше.

— Вот оно что, — уездный судья Чэнь поставил чашку после глотка чая. — У нас с учителем Нином мысли примерно одинаковые. Но действовать надо постепенно, торопиться нельзя. Лучше расскажи мне про тех разбойников.

— А, хорошо.

Сюн Цзиньчжоу и так всего лишь предложил идею, так что, услышав это, без возражений сменил тему.

...

Выйдя от уездного судьи Чэнь, Сюн Цзиньчжоу, не зная чем заняться, побрёл к месту, где обычно собирались люди, и как раз застал нескольких человек за игрой в мадяо. Постояв в углу и прислушавшись, он убедился, что они играют не на деньги, и только тогда вышел.

В этот раз в дальние деревни и посёлки, помимо его отряда, отправили ещё пять групп. Из-за того, что столько людей разом отсутствовало, оставшиеся стражники уже едва не покрывались плесенью от скуки.

Заметив Сюн Цзиньчжоу, они одновременно обрадовались и удивились:

— Батоу, а вы когда вернулись? А где Ма Ван и остальные? Неужто что-то случилось?

— Думай о хорошем. Если бы что-то случилось, я бы, по-твоему, первым вернулся? — Сюн Цзиньчжоу отвесил ему шлепок по затылку. — Всё прошло гладко, я просто прошлой ночью поехал обратно.

А, ну да. Если подумать, их батоу обычно первым бросался вперёд.

Узнав, что он просто закончил дело раньше срока, все сразу переключили внимание на вещь, которая ещё с самого начала привлекала их взгляд - новую причёску Сюн Цзиньчжоу. Они разглядывали его то с одной, то с другой стороны и восхищённо цокали языками:

— Батоу, а вам очень идёт! Это битоуцзян* сделал?

(ПП: мастер по причёскам. В старом Китае так называли парикмахеров, которые занимались

стрижкой, укладкой и чисткой волос специальным частым гребнем)

Местные битоуцзяны были весьма искусны: помимо стрижки и бритья лиц, они ещё и делали причёски. Недавно один даже приходил в управу с просьбой забирать волосы преступников для изготовления шиньонов, и, получив разрешение, с тех пор только и ждал, когда кому-нибудь назначат наказание в виде обривания головы*.

(ПП: наказание обриванием головы. В древнем Китае это было позорящее наказание (хуже, чем штраф, но легче, чем телесные наказания). Преступнику сбрасывали волосы (а иногда и бороду), что лишало его социального статуса, так как в конфуцианской культуре волосы считались даром предков.)

Сюн Цзиньчжоу, услышав это, весьма самодовольно заявил:

— Какой ещё битоуцзян? Это Чжу-гер мне сделал. Ну как? Красавец же, да?

Услышав его слова, вся компания мгновенно поняла, что дело плохо, и инстинктивно попыталась сбежать. Но разве могли они улизнуть из-под рук Сюн Цзиньчжоу? Они только успели приподняться, как их тут же усадили обратно на лавку.

Печаль одиноких собак.jpg

.

Наконец наступил полдень.

Возле школы снова появился знакомый силуэт.

Один из учеников, менявшийся с товарищем за ткацким станком, потянулся, заметил стоящего снаружи Сюн-батоу и машинально взглянул на небо. Его мысли сразу отвлеклись от ткачества: скоро урок закончится... Интересно, что сегодня будет на обед?

Раздался удар гонга, возвещавший окончание занятий. Нин Гуйчжу поднял руку, потёр шею и посмотрел на учеников. Легонько кашлянув, он встал. После взаимных прощаний он взял корзинку с шитьём и вышел из школы.

И сразу увидел ожидавшего его Сюн Цзиньчжоу.

Он сам не заметил, как ускорил шаг, подошёл к нему и с улыбкой спросил:

— Когда ты пришёл? Долго ждал?

— Да нет, не очень.

Сюн Цзиньчжоу протянул руку и забрал у него корзинку, затем по привычке слегка присел, собираясь понести его на спине обратно в управу.

Нин Гуйчжу хлопнул ладонью по его широкой спине и, потянув за руку, поднял его:

— Пластырь уже закончился! С сегодняшнего дня больше не нужно меня носить. Давай просто пойдём, держась за руки, хорошо?

Сюн Цзиньчжоу повернул голову, встретился взглядом с улыбающимся Нин Гуйчжу и решил, что предложение тоже неплохое. С улыбкой на лице он поднялся и переплёл пальцы с его пальцами. Так супруги, держась за руки, всю дорогу шли обратно к уездной управе.

А дальше всё пошло по привычному сценарию: Нин Гуйчжу унёс корзинку с рукоделием в комнату, Сюн Цзиньчжоу сходил на кухню за едой, и они, сидя за столом, ели и разговаривали. Темы были простыми, порой повторялись, но ни один из них не чувствовал скуки.

Когда Нин Гуйчжу наелся, Сюн Цзиньчжоу собрал оставшуюся еду к себе в чашку и спросил:

— Ткачеству ты уже почти всех научил?

— Да, а что? — подперев подбородок рукой, спросил Нин Гуйчжу.

— Да ничего. Господин уездный судья сказал мне, что если уже точно убедились, что ты всему научил, то не обязательно ходить туда каждый день. Достаточно будет заглядывать раз в три-пять дней, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — У меня тут как раз всё заканчивается, а завтра дадут выходной. Есть что-нибудь, чем хочешь заняться?

Услышав это, Нин Гуйчжу сразу оживился и начал строить планы:

— Дома уже почти всё привели в порядок, разве что уборная осталась. Завтра утром приведём её в порядок, а в полдень, пока солнце хорошее, помоем головы и искупаемся. А ты хорошенько отдохнёшь.

Сюн Цзиньчжоу с улыбкой согласился.

После еды Сюн Цзиньчжоу ушёл мыть посуду и полотенце, а Нин Гуйчжу расправил тонкое одеяло на кровати, распустил волосы и сел у стола ждать его возвращения. Вернулся Сюн Цзиньчжоу быстро. Увидев, что Нин Гуйчжу ждёт его, он прикрыл за собой дверь и подошёл:

— Ложимся, я с тобой.

Нин Гуйчжу с улыбкой напомнил:

— Ты ещё волосы не распустил.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу провёл рукой по голове, на которой всё ещё не выбилась ни одна прядь. С серьёзным видом подумав пару секунд, он взял Нин Гуйчжу за руку:

— Не буду распускать, не буду. Днём я аккуратно посплю, ничего не растреплется.

Нин Гуйчжу беспомощно вздохнул:

— Так же неудобно спать.

— Ничего подобного, — уверенно заявил Сюн Цзиньчжоу. — Я раньше всегда спал, не распуская волосы. Уже привык.

Нин Гуйчжу: «...»

Раз уж тот так настаивал, он больше ничего говорить не стал. Вместе они подошли к кровати у окна, сняли верхнюю одежду и легли.

Хотя в те дни, когда Сюн Цзиньчжоу не было рядом, Нин Гуйчжу тоже спал хорошо, но сейчас, обнимая его, он ощущал что-то совсем иное. Он не мог бы объяснить, что именно это было, просто спокойнее, тише на душе, словно всё наконец встало на свои места.

Это ощущение было удивительно приятным.

Увидев, что человек в его объятиях почти мгновенно уснул, Сюн Цзиньчжоу наклонился и поцеловал его в лоб, а затем кончиками пальцев стал осторожно разминать ему шею. Видимо, утром, склонившись над шитьём, Нин Гуйчжу не заметил, как затёк, потому что весь этот полдень то и дело потирал шею рукой.

Немного помассировав и увидев, как его лицо расслабилось, Сюн Цзиньчжоу только тогда убрал руку, обнял его и тоже заснул. Высоко собранные волосы и правда были неудобны: стоило чуть пошевелиться, как они давили на голову, да и перевернуться было невозможно. В который уже раз проснувшись из-за этого, Сюн Цзиньчжоу серьёзно уставился в полог у стены и задумался: надо купить две деревянные подушки.

— Деревянные подушки?

Проснувшийся Нин Гуйчжу, услышав это, удивился:

— Разве на них удобно спать?

Подложить под голову такую вещь - кажется, только ещё сильнее будет давить.

Сюн Цзиньчжоу помогал ему поправить одежду:

— Если спать на деревянной подушке, голова не будет двигаться, и волосы не растреплются.

— ...

Нин Гуйчжу был до крайности беспомощен, но всё же не удержался от смеха.

— Я же сказал, что сам буду тебе делать причёску. Волосы завязывать несложно, времени много не займёт.

Сюн Цзиньчжоу, увидев его выражение, не удержался и наклонился поцеловать:

— Если каждый день так, тебе будет тяжело.

— А я хочу.

Нин Гуйчжу взял у него шпильку, привычно заколол свои длинные волосы, ещё немного полюбовался нынешним видом Сюн Цзиньчжоу, затем взял его за руку и мягко сказал:

— Позволь мне самому завязывать тебе волосы, хорошо?

Разве Сюн Цзиньчжоу мог устоять перед таким? Он тут же потерял всякую волю и несколько раз подряд сказал «хорошо».

Они немного посидели у окна, выпили чаю, окончательно проснулись и только потом, взяв корзинку с рукоделием, направились к школе. Едва выйдя из уездной управы, они как раз столкнулись с несколькими стражниками, возвращавшимися верхом. В руках у них тянулась длинная верёвка, к концу которой были привязаны несколько человек; те еле волочили ноги.

— Батоу.

Сыщики спешили, поздоровались с Сюн Цзиньчжоу, а затем окликнули Нин Гуйчжу:

— Сюн-фулан.

— Здравствуйте. Только вернулись? — вежливо ответил Нин Гуйчжу. Его взгляд упал на людей позади них, и он невольно слегка нахмурился, в глазах появилось недоумение.

Ма Ван не знал, что именно Сюн Цзиньчжоу рассказал Нин Гуйчжу, и поднял взгляд на начальника. Сюн Цзиньчжоу, увидев это, взял Нин Гуйчжу за руку и повёл чуть в сторону:

— По дороге застали их за преступлением, вот заодно и привели назад посадить.

Нин Гуйчжу решил, что речь о каких-нибудь ворах, которых встретили на обратном пути, кивнул Ма Вану и остальным:

— Тогда не буду мешать, мы пойдём.

Стражники провели людей мимо них.

Проводив Нин Гуйчжу до школы, Сюн Цзиньчжоу сразу вернулся в управу. Когда он пришёл, уездного судьи Чэня ещё не было. Помощник судьи сидел перед теми несколькими преступниками и, выслушивая их тараторящий диалект, явно начинал страдать от головной боли.

Уездный судья Чэнь вошёл широким шагом как раз в этот момент. Услышав их речь, он прислушался и удивлённо спросил:

— Вы из Миньчжоу?

Миньчжоу находился отсюда за тысячу ли. Эти люди и без того были наглецами, а уж мысль о том, что они могли без помех грабить по дороге и добраться до их края, вообще казалась нелепой фантазией.

Увидев, что уездный судья Чэнь понимает речь этих людей, Сюн Цзиньчжоу и остальные сразу приободрились и остались стоять в стороне, наблюдая за допросом.

Уездный судья Чэнь сидел наверху, опустив взгляд на стоявших на коленях людей внизу. Время от времени он произносил несколько фраз на не слишком чистом диалекте Миньчжоу, но за его улыбкой всё сильнее проступала опасность.

Когда допрос закончился, он приказал:

— Отправьте их в тюрьму.

Стражники, стоявшие рядом, тут же взялись за дело. Не обращая внимания на бессвязную речь и крики тех людей, они просто утащили их и заперли. А что именно сказали разбойники, из-за чего лицо уездного судьи Чэня стало таким серьёзным... какое вообще дело до этого таким мелким сошкам, как они?

Патрулировать - значит патрулировать, а после патруля можно и в мадяо сыграть.

Сюн Цзиньчжоу в мадяо не играл. Он видел людей, выходявших из игорных домов, - слишком уж жалкое у них было состояние, чтобы у него появилось хоть какое-то желание связываться с азартными играми. Поэтому, закончив обход, он сразу направился к конюшне и принялся заниматься домашним мулом.

Не слушаться, когда его нет дома, - это ещё ладно. Но если бы Нин Гуйчжу из-за этого упал, он бы с этого Маньтоу шкуру спустил.

Маньтоу: «...»

Так хочется сбежать. Но не получается.

<http://bllate.org/book/14958/1644595>